

# Борцы с бедностью

*Андреас Адриано представляет лабораторию J-PAL в МТИ, где Эстер Дюфло и Абхиджит Банерджи заново открывают экономику развития*

Некоторые, казалось бы, блестящие идеи в области развития не работают так, как ожидалось. Один широко известный случай такой неудачи — предложение заменить способ приготовления пищи на открытом огне, используемый 3 миллиардами самых бедных людей в мире, более эффективными и менее загрязняющими печами в рамках инициативы Глобального альянса за чистые кухонные плиты. Этот проект стоимостью 400 млн долларов был поддержан Организацией Объединенных Наций и запущен в действие бывшим госсекретарем США Хиллари Клинтон в 2010 году. Была поставлена задача уменьшить загрязнение воздуха в помещениях, которое убивает 2 млн человек в год, наряду с расширением прав и возможностей женщин и улучшением состояния окружающей среды. Первоначально программа имела успех, но четыре года спустя миллионы печей, изготовленных в Индии, были в основном заброшены.

Почему этот план не имел успеха? Исследователи из Лаборатории имени Абдул Латифа Джамиля по вопросам борьбы с бедностью, известной как J-PAL, отправились на места реализации проекта, чтобы ответить на этот вопрос. Наблюдая за примерно 2500 домашними хозяйствами в 44 деревнях в восточном индийском штате Одиша, они обнаружили много, казалось бы, незначительных причин. Как показали исследования, новые печи требовали больше внимания, ломались и не ремонтировались, готовили медленнее, и их нельзя было вынести на улицу, поскольку они были соединены с дымоходами для отвода дыма из помещения.

«Для человека сверхрационального, который живет экономическими моделями, ничто из этого не должно иметь значения», — пишет в своей статье Абхиджит Банерджи, профессор экономики Массачусетского технологического института (МТИ), являющийся соучредителем и директором J-PAL. Однако этот опыт напомнил нам о том, что «тот факт, что мы считаем, что что-то должно сработать, недостаточен, — это должно работать для пользователей». За свою 17-летнюю историю J-PAL разработала научный, основанный на фактических данных экономический подход к борьбе с бедностью. По словам исполнительного директора Икбала Даливала, он является альтернативой «принятию решений на основе инстинкта, идеологии или по инерции».

Штаб-квартиру J-PAL, расположенную на втором этаже неприметного здания Массачусетского технологического института в Кембридже, через реку Чарльз от Бостона, можно легко принять за любой обычный офис в крупном университете. Но деятельность J-PAL отличается обширным охватом. Эта организация, финансируемая донорами, самостоятельно или через сеть аффилированных исследователей по всему миру провела более 1000 рандомизированных контролируемых исследований в более чем 80 странах. При этом она применяет к экономике методологию исследований, которая долгое время была золотым стандартом для испытания новых лекарств и методов лечения. Как отмечает J-PAL, проверенные таким образом программы были затем расширены, охватив более 400 миллионов человек по всему миру.

За эти достижения Банерджи и Эстер Дюфло — его жене и соучредителю J-PAL, — а также их другу, гарвардскому экономисту и соавтору многих исследований Майклу Кремеру была присуждена Нобелевская премия по экономике 2019 года.

Как отметил Нобелевской комитет, «их экспериментальные методы исследования в настоящее время полностью доминируют в экономике развития». Они «в корне изменили экономику развития» благодаря своей способности давать «надежные ответы в поиске лучших способов борьбы с мировой бедностью».

В мире, где к экспертным знаниям и академическим исследованиям относятся со все большим пренебрежением, где само восприятие реальности часто зависит от политических убеждений, J-PAL может претендовать на объективность, предоставляя рекомендации по социально-экономической политике, основанные на фактических результатах полевых исследований, проведенных в соответствии с научным подходом. Лаборатория имеет на своем счету ощутимые результаты помощи уязвимым людям в решении насущных практических проблем.

Банерджи и Дюфло находятся в центре ее работы. Они основали эту организацию в 2003 году как Лабораторию по вопросам борьбы с бедностью вместе с Сендхилом Мулаинатаном, бывшим гарвардским профессором, который по сей день продолжает участвовать в ее работе. Они поставили перед собой задачу изменить мировой подход к бедности — ни больше, ни меньше.

В 2005 году лаборатория была переименована в честь отца выпускника МТИ Мохаммеда Джамиля, бизнесмена и филантропа из Саудовской Аравии, фонд семьи которого и сейчас оказывает поддержку J-PAL. Финансирование также предоставляют крупные частные доноры и агентства по развитию из стран с развитой экономикой.

Штат J-PAL насчитывает примерно 400 специалистов в области исследований, политики, образования и профессиональной подготовки; она имеет штаб-квартиру в Кембридже и региональные центры в Северной Америке, Латинской Америке и регионе Карибского бассейна, Европе, Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и Юго-Восточной Азии. Еще 200 исследователей осуществляют надзор за проектами, которые выполняют порядка 1000 подрядчиков. Со времени своего основания в 2003 году организация предоставила гранты на общую сумму 63 млн долларов США для финансирования новых исследований.

Хотя первоначально J-PAL в основном занималась проблемами бедных стран и стран с формирующимся рынком, теперь она также активно работает в Европе, исследуя, например, инициативы, направленные на содействие социальной интеграции иммигрантов. Ее отделение в Северной Америке имеет проекты по вопросам переподготовки и повышения квалификации работников, проблемам бездомности и жилья, реформе уголовного правосудия и здравоохранения.

## Разделяй и властвуй

Дюфло — экономист, ей 47 лет, она гражданка Франции. Она получила докторскую степень в Массачусетском технологическом институте и заставила это учреждение нарушить запрет приема на работу собственных студентов. Дюфло описывает рандомизированные исследования, лежащие в основе подхода J-PAL, как анализ «большой проблемы и разделение ее на поддающиеся решению части, меньшие вопросы, на которые можно дать четкие ответы».

Этот метод состоит в тестировании потенциального решения проблемы развития — например, как расширить использование кроватных сеток для борьбы с малярией, — путем сравнения группы, которая получает определенный вид помощи, с контрольной группой, которая ничего не получает. Группы должны быть как можно более схожими и создаваться случайным образом, чтобы исключить влияние каких-либо других факторов и позволить исследователям понять влияние принимаемых мер. Может создаваться несколько групп для сопоставления разных решений. Такие исследования были разработаны в XIX веке и применялись в сельском хозяйстве, медицине и политологии гораздо раньше, чем в экономике, где первые такие исследования датируются 1960-ми годами.

Макроэкономические исследования часто затрагивают возвышенные темы, выраженные в сложных уравнениях и проверяемые сложными эконометрическими методами. Даже у нобелевских лауреатов не все здесь получается гладко. В своей книге 2019 года «Хорошая экономика для трудных времен» Дюфло и Банерджи признают, что часть роста производительности «нельзя объяснить изменениями аспектов, которые могут измерить экономисты. Чтобы чувствовать себя лучше, экономисты придумали ему особое название: «совокупная факторная производительность». Их коллега по МТИ, тоже нобелевский лауреат, Роберт Солоу определил это понятие как «меру ограниченности наших знаний».

Вопросы исследований в области развития, напротив, могут показаться прозаичными. Например, в случае противомаларийных кроватных сеток в Кении: следует ли раздавать их бесплатно, субсидировать или продавать по рыночной цене? Является ли программа выкупа эффективным способом изъятия большого количества неиспользованных опиоидных таблеток в США? Как добиться того, чтобы бедные индонезийские домохозяйства получали весь рис, полагающийся им по федеральной программе?

## Информация для малоимущих

Всеми этими вопросами занимается J-PAL. И нередко исследователи находят на удивление простые решения.

Одной из крупнейших программ социальной помощи в Индонезии является «Рис для бедных», известная в стране как Раскин. Эта система с объемом затрат 1,5 млрд долларов США была призвана распределять по 15 кг риса в месяц



Исполнительный директор J-PAL Икбал Даливал.

PHOTO: COURTESY OF J-PAL

самым бедным домохозяйствам за пятую часть рыночной цены. Однако этому препятствовали бюрократия и коррупция. Местные лидеры, ответственные за распределение риса, часто подправляли цены, нормы отпуска или квалификационные критерии. В итоге соответствующие домохозяйства получали лишь треть того, на что имели право, по цене на 40 процентов выше предполагавшейся.

Вместо того чтобы ужесточать контроль, Индонезия в 2012 году поручила группе исследователей поработать с J-PAL над испытанием способов повышения осведомленности о квалификационных критериях, месячных нормах и ценах с использованием «карточек социальной защиты», содержащих соответствующую информацию. По результатам рандомизированных исследований они оказались настолько эффективными, что в течение года правительство выпустило около 15 миллионов таких карточек и включило в проект две другие программы денежных трансфертов на общую сумму более 4 млрд долларов.

Одно из преимуществ подхода J-PAL — в том, что заведомо ожидаются расхождения между теорией и практикой. Другое — в том, что не предполагается, что работающие в лаборатории высококвалифицированные ученые мудрее или рациональнее тех людей, которым они надеются помочь.

«Бедные люди не менее рациональны, чем кто-либо другой, как раз наоборот, — писали Банерджи и Дюфло в своей книге 2011 года «Экономика бедности». — Именно потому, что они имеют так мало, мы часто обнаруживаем, что они тщательно продумывают принимаемые решения: им необходимо тонко разбираться в экономике просто для того, чтобы выжить».

Банерджи, получивший докторскую степень в Гарварде, родился в 1961 году в Мумбае, в семье блестящих профессоров экономики. Он не переносит тех «сверхрациональных» людей, которые живут в мире моделей. Он высмеивает «презумпцию знания», которая, по его словам, присуща значительной части макроэкономических иссле-



Женщины у кухонной печи в Бходжпуре, Индия.

дований и часто не основывается почти ни на чем, кроме «кучи взаимосвязей, многие из которых очень трудно интерпретировать, и некоторых конкретных фактов, которые, вероятно, достаточно надежны». Он побеседовал с нами в своем небольшом офисе на кафедре экономики МТИ. За дверью, покрытой экономическими и политическими карикатурами, — тесное помещение, заполненное книгами, контрастирующее с далеко простирающимся видом на реку Чарльз и горизонт Бостона.

Дюфло занимает несколько более просторный офис через два от Банераджи. Они познакомились в 1999 году, когда он был ее научным руководителем в МТИ, и поженились в 2015 году, у них двое детей.

Она научилась никогда не разочаровываться результатами исследований. «В рандомизированных контрольных исследованиях мы очень скоро обнаружили, что результат обычно становится для вас неожиданностью», — говорит она.

## Все ли сходится?

Разбивка большой проблемы на составные части не обязательно означает, что меньшие части окажутся более простыми. В лекции 2016 года в МВФ Дюфло представила несколько исследований, показывающих, как вмешательства на микроуровне могут вызывать существенные макроэффекты. Одно из них касалось более строгого контроля за соблюдением экологических норм на сильно загрязняющих окружающую среду текстильных заводах в индийском штате Гуджарат, где находятся некоторые из самых загрязненных городов земли. Рандомизированное исследование с изменением правил назначения аудиторов компаний показало, что соблюдение норм улучшалось, когда инспектора получали свое вознаграждение не от тех, кого они проверяли. Хотя этот вывод не назовешь большим открытием, он становится более убедительным благодаря наличию подтверждающих данных.

Дюфло высказала мнение, что широкие принципы, такие как демократия и надлежащее управление, которыми часто

руководствуются международные организации, возможно, мало что значат на практике, поскольку носят слишком общий характер. Экономисты могли бы достичь более конкретных результатов путем ремонта «водопровода», то есть той части любой системы, о которой люди не задумываются и обращают на нее внимание только тогда, когда она перестает работать. Свою лекцию она озаглавила «Экономист как сантехник».

Одна из проблем, связанных с рандомизированными контролируруемыми исследованиями, заключается в том, что ответы на малые вопросы могут не складываться в решение общей задачи. Другая — в том, что выводы могут слишком зависеть от того, где проводилось исследование. Например, результаты исследования малярии в Кении могут быть совершенно неактуальными для Бразилии. Экономисты называют это «транспортной» проблемой.

«Демонстрация того, что определенный подход работает в одной ситуации, — чрезвычайно слабое доказательство того, что он будет так же работать и в других условиях», — писал в своей статье в прошлом году Ангус Дитон, выдающийся шотландский экономист по развитию и лауреат Нобелевской премии по экономике 2015 года.

В нескольких работах Дитон изложил свои сомнения относительно рандомизированных исследований. В упомянутой статье он отмечает, что единственный способ применить результаты исследования в новом контексте — это использовать «предыдущие знания и понимание», интерпретируя результаты исследования «в рамках некой структуры, при том что, как это ни парадоксально, отказ от использования такой структуры считается достоинством РКИ (рандомизированного контролируемого исследования)».

## Макро или микро

Даливал, исполнительный директор J-PAL, был нанят 11 лет назад для решения именно этой проблемы. Он экономист из Индии, с быстрой манерой речи, получивший

образование в Делийском и Принстонском университетах. Даливал женат на Гите Гопинат, главном экономисте МВФ.

По словам Даливала, «к тому времени, как Эстер приняла меня на работу в 2009 году, они поняли, что переход от результатов исследований к мерам экономической политики требует намного более тщательно продуманной работы». Чтобы устранить этот разрыв, разработчики политики должны иметь доступ к фактическим данным, подтверждаемым другими исследованиями, проведенными в иных контекстах. Кроме того, необходим мониторинг реализации мер, чтобы, в свою очередь, проверять обоснованность выводов относительно политики».

На вопрос о том, как устранить несоответствия между исследованиями и политикой и между микро- и макроэкономикой, Дюфло указывает на экземпляр книги «Хорошая экономика для трудных времен».

«Эта книга и «Экономика бедности» представляют то, что мы узнали по одной теме, в виде повествования, позволяющего во всем разобраться, — говорит она. — «Хорошая экономика для трудных времен», опираясь на огромный объем исследований, опровергает распространенные представления по таким темам, как миграция, труд и торговля. Книга показывает, что экономисты часто понимают многое правильно, но тем не менее не могут добиться доверия широкой общественности. Банерджи винит в этом недостатки своей профессии.

«Люди доверяют популистской риторике, потому что утратили доверие к объяснениям экономистов», — говорит он.

Размышляя о будущем, Дюфло делится надеждой на то, что полученное признание в виде Нобелевской премии выведет J-PAL «на новый уровень» и поможет распространить ее работу на такие области, как изменение климата и содействие правительствам в повышении качества собираемых ими обширных данных и более эффективном их использовании.

Используемый J-PAL метод разбивки большой проблемы на более мелкие вопросы может быть применен даже к глобальной по своей сути проблеме, такой как изменение климата. Полевые исследования, проведенные в Мексике, Висконсине и Мичигане, показали, что технологии, повышающие энергоэффективность в жилых домах, нередко не дают обещанной экономии. Такие меры, как замена бытовых приборов, структурная модернизация домов и их защита от атмосферных воздействий, не пользуются большим спросом. А когда они принимаются, достигнутый прирост эффективности обычно нивелируется более высоким потреблением.

Аналогичным образом, проведенное в Индии исследование показало, что когда мелким фермерским хозяйствам предоставлялись консультационная помощь и кредиты для приобретения нового, более эффективного оборудования, они увеличивали производство и больше зарабатывали,

но сбережения энергии не происходило. Дюфло объясняет это «оптимизирующим поведением», которое часто не учитывается должным образом в оценках потенциальных выгод.

## Более масштабные проблемы

В середине марта J-PAL, как и весь остальной мир, находилась в режиме самоизоляции, чтобы остановить распространение пандемии COVID-19. Организация быстро внесла изменения в свою работу, включая отзыв сотрудников с мест проведения полевых исследований и расширение использования телефонных опросов. Она предложила финансирование для быстрого запуска новых исследовательских инициатив по таким темам, как денежные переводы, цифровая идентификация и инновации в практике государственного управления.

Пандемия создала новый ряд серьезных проблем и показала, насколько важно иметь достоверную и своевременную статистику. Она подчеркивает важность использования государственных административных данных для улучшения процесса принятия решений и обмена результатами «быстрее и дешевле, чем с использованием полевых исследований», — говорит Даливал.

По словам Даливала, после COVID-19 мир переоценит роль и пользу государства во время кризиса. Результатом станет совершенствование государственного управления и лучшее понимание важности социальной защиты.

«Последние несколько лет многие новые благотворительные инициативы исходили из убеждения, что государственные органы не нужны и можно обойтись без их участия, — говорит он. — Этот кризис яснее показал, что все мы должны инвестировать в укрепление потенциала правительств для принятия правильных решений и их стойкости к шокам, чтобы они могли справиться с такими масштабными явлениями», — добавляет он, упоминая в качестве примера возможность быстро предоставлять экстренные денежные трансферты, что сопряжено с трудностями даже для такой страны, как США.

В пандемии коронавируса Даливал видит предвестие того, что может представлять собой климатический кризис.

«Эта пандемия показала нам, во-первых, верховенство природы и, во-вторых, то, что после наступления переломного момента (распространения инфекций в местных сообществах или повышения температуры Земли) очень трудно избежать значительного ущерба и гибели большого числа людей, — говорит он. — Поэтому нужно действовать сейчас. Пандемия также показала, что если мы действительно будем принимать правильные меры (например, социальное дистанцирование) и подходить к этому крайне серьезно, это может изменить ситуацию к лучшему». **ФР**

**АНДРЕАС АДРИАНО** — сотрудник журнала «Финансы и развитие».